

Марина Саввиных

Кубань: тревожная весна двадцать третьего

Туда

В 2013 году, начиная очерк «Дожди Дагестана стучат в моё сердце», я с болью рассказывала о взрывах, убийствах, террористических актах, сотрясавших тогда Кавказ. Да, это было близко и страшно. Да, отправляясь в Махачкалу, я ощущала некоторый холодок под ложечкой. Но тогда мне и в дурном сне не могло присниться, что, спустя десять лет, на благословенной земле Тамани я испытаю то же — почти детское — чувство неопределённой, словно разлитой в воздухе, тревоги: в любую минуту над твоей головой или под ногами может что-нибудь жхнуть, грохнуть, ослепить, обжечь, покалечить...

Третьего мая беспилотники атаковали нефтебазу совсем недалеко от того места, которое стало моей «базой» во время командировки в Краснодарской край. А потом... потом были ещё взрывы. И ещё. И — позже — в самом Краснодаре. С этим не отпускающим холодком под ложечкой вглядывалась в лица «местных»: страшно ли им? Не пакуют ли чемоданы? И самой себе отвечала: не замечаю. Несмотря на зыбкую тёмную тень, нет-нет да пробегающую по лицам южан, люди живут своей обычной жизнью, радуясь весне и сетуя лишь на то, что она выдалась в этом году какая-то уж слишком поздняя и холодная.

Продавщица художественного салона в Темрюке, с которой я разговорилась, покупая сувениры, вздохнула: «Что же вы зимой-то к нам приехали?» За окнами магазинчика звенел и переливался восхитительными красками волшебный южный май. Накрапывал мелкий дождичек, синоптики обещали плюс двенадцать. Для моей собеседницы это была «лютая зима», а в родном Красноярске в это время дневные температуры держались около нуля. Большая страна! Какая большая страна!

...Поезд Красноярск — Анапа почти за четверо суток преодолевает без малого пять тысяч километров. Полстраны. Четыре часовых пояса. Смена ландшафтов, пересечение границ... Эта железная дорога строилась людьми, которые, разумеется, не предполагали, что Казахстан будет когда-нибудь «заграницей». Меняются и попутчицы в купе. А вот разговоры для женского купе — непривычные. Про страну, про пацанов, которые «там», про причины и про то, как теперь жить и что будет дальше...

В Анжеро-Судженске ко мне присоединилась молодая женщина. Тамара, жена военного, мобилизованного осенью, едет к мужу в Курган, где тот находится в учебке. Муж — бывший командир БМП. Видимо, условия учебки позволяют, и Тамара надеется, что побудет рядом с мужем некоторое время. В семье трое детей. Старший сын заканчивает девятый класс. Младшая дочь совсем маленькая. Сама Тамара — учительница начальных классов. Искренне и всецело поддерживает и сво, и Путина, и нашу армию. Дорожная «полоса отчуждения» способствует открытости в разговорах. Случайные попутчики охотно делятся друг с другом такими сведениями и соображениями, которые в знакомой обстановке придержали бы при себе. Поэтому их словам можно верить. Другие мои собеседницы, менявшиеся до самой Анапы, обо всём этом думают, я убедилась, примерно так же. За язык их никто не тянул, так что приходится признать: как и в иные судьбоносные времена, народ зрит в корень...

Сейчас, спустя два с половиной месяца после той поездки, думаю о Тамаре: как-то сложилось в её семье? Тем более что уже на месте, в станице Старотитаровской, я узнала о катастрофических лесных пожарах, охвативших Курганскую область. Удалось ли моей попутчице побыть с мужем? Не спугнула ли огненная стихия короткую радость их встречи?

Старотитаровская

Станица Старотитаровская в Темрюкском районе Краснодарского края известна с конца восемнадцатого века. Историческая справка гласит, что основали её запорожские казаки, так что близость со страной, объявившей нас «небратьями», ощущается на каждом шагу, включая даже обиходную речь старожилы — так называемую «балаковку». Правда, культурная, так сказать, часть старотитаровского общества предпочитает разговаривать на вполне себе русском литературном, но в магазине и просто на улице чаще всего слышишь именно её — первозданно певучую «балаковку», приятно щекочущую моё сибирское ухо.

Во время Великой Отечественной Старотитаровская в течение года находилась под немецкой

оккупацией. Свидетелей той поры уже практически не осталось, но старшее поколение станичников, выросшее на рассказах родителей и дедов, до сих пор передаёт молодёжи были и предания о том, как «под немцами жили». В 1943 году в этих местах развернулась легендарная битва — стратегическая Новороссийско-Таманская операция Рабоче-крестьянской Красной армии против вермахта. 2-я гвардейская мотострелковая дивизия за героические действия в ходе этой операции получила название Таманской. И такова память народная в этих политых кровью предков местах, где в начале мая, ко Дню Победы, таманские станицы осеняются красными знамёнами Победы и — особо! — 2-й Таманской дивизии РККА. Это настолько искренний всенародный жест, что изготовление и продажа таких флагов ко Дню Победы стало источником сезонного дохода для целого ряда предприимчивых местных граждан. Красные полотнища с пятиконечной звездой девятого мая развеваются чуть ли не над каждым двором в Тамани, в Старотитаровской, Голубицкой, Кучугурах... всюду, где в сорок третьем шли бои.

Как раз накануне Первого мая — в преддверии дня рождения В. П. Астафьева — мне довелось принять участие в замечательном мероприятии. Директор Старотитаровской детской библиотеки Алла Николаевна Кулыгина пригласила на встречу со школьниками, посвящённую астафьевским «Затесям». Старотитаровская — посёлок крупный: две школы, детская и взрослая библиотеки, прекрасный Дом культуры. Детская библиотека занимает часть одноэтажного дома — небольшая, но достойно оборудованная, очень уютная и, по всему, не страдающая от отсутствия читателей. Шестиклассники, пришедшие на встречу вместе со своей учительницей, здесь чувствуют себя как дома. Общительные и, надо сказать, достаточно «подкованные» юные читатели. Несколько экземпляров нашего журнала, которые я принесла с собой, быстренько разошлись по рукам. Ребята листали журнал, задавали вопросы. Но больше всего их, конечно, интересовал Астафьев. (Снова замечу в скобках: велика Россия, но всё же — единое целое!) Мне пришлось напрячь память, чтобы удовлетворить их любопытство. Они и сами многое знают — и о судьбе писателя, и о его книгах... Так что спрашивали о тонкостях и деталях, которые могут быть известны человеку, знавшему Виктора Петровича достаточно коротко и лично.

Всё это меня, конечно, порадовало и удивило. Алла Николаевна выбрала для разговора с шестиклассниками редко обсуждаемую миниатюру из «Затесей» — «Записку». Речь там, если вспомните, идёт о сыновней неблагодарности. Сын, продав материнский домик в деревне, «забыл» беспомощную престарелую мать в городе на вокзале,

с запиской вместо денег в кармане «выходной плюшевой жилетки»: дескать, рекомендую в сторожиhi, няньки, домработницы. Меня поначалу покорило выбор: зачем это детям? Но разговор развернулся настолько интересный и сильный, настолько ребят задела проблема, поднятая Астафьевым, что у всех нас, и детей, и взрослых, осталось и ощущение горечи от переживания самого факта, и радости оттого, что горечь эта воспринята, осознана и мысль писателя достигла цели: школьники станицы Старотитаровской откликнулись на неё со всей непосредственностью детского стремления к справедливости.

Анапа

Ирина Иваськова родилась и выросла в Красноярске, здесь же окончила университет. Давно и плодотворно сотрудничает с нашим журналом и, кажется, попробовала себя во всех видах литературной деятельности. Талантливый прозаик — пишет для взрослых и детей, интересный поэт, организатор литпроцесса и общественный деятель. Вот уже более десяти лет живёт в Анапе. Но мы продолжаем считать её своей, хотя в Красноярске нам так и не удалось встретиться. Собственно говоря, именно желание познакомиться с Ириной «вживую» на этот раз и привело меня в Анапу. Мы встретились в гостеприимном зале модернизирующейся юношеской библиотеки, куда по приглашению Ирины пришли писатели, которые на тот момент оказались в городе. Всё-таки — май.

Ирина Иваськова

.....

Такой сквозняк, что юности пыльца
пушистая осыплется с лица
и розовым запачкает ладони...
А помнишь, как смеялись на балконе
двенадцатизэтажного дворца?
И так же пролетали сквозняки
от серебристой, пепельной реки
до стен кирпичных нашего приюта,
и, кажется, прошла одна минута.
У времени мы все — призывники.
Я встану в строй, послушно и легко,
и только снов цветное молоко
подарит непокой благословенный,
но мне уже готовится замена —
у времени не будет должников.
И я плачу. И плачу по ночам,
и радуюсь дурацким мелочам —
платку, часам, серебряной цепочке.
И жизни — как единственной отсрочке,
доступной, всё ещё доступной нам.

Александр Зацепин

.....

● ● ●
Спешите смотреть рассветы—
Они предваряют день.
Спешите зимой и летом,
Смотрите, пока не лень.

Когда от жизни устал ты,
И если уже невмочь,
Иди и смотри закаты—
Они предваряют ночь.

За ночью приходит утро,
И снова встаёт заря,
И в этом природы мудрость—
И всё на земле не зря!

Сергей Зубарев

.....

● ● ●
И лаванда рассыпалась в пыль,
И унёс одуванчики ветер...
Сказки-сны о придуманном лете
Превратились в горчайшую боль.

И полынно в душе, как в степи,
И всё хочется жить только хлебом,
И звездою, упавшею с неба,
Обжигают слова: «Потерпи!»

Вот и осень уже впереди,
Золотая пора листопада...
В бочке вспенится хмель винограда—
Ты отчаиваться погоди!

Осень—это ещё не зима!—
Золотым обольёт тебя светом
Так, что в омуте бабего лета
Вмиг растает душевная тьма.

Надо признать, Краснодарский край и Красноярский близки и похожи не только названиями. На благословенный русский юг, в тёплые края, десятилетиями перемещались «отставные северяне» и жители иных, приравненных к «северам», областей. Поэтому так много здесь земляков. Приятно было увидеть среди пришедших на встречу писателей Юрия Зинаиду Ивановну Палиеву, известную красноярскую журналистку, учёного и педагога, некогда заведовавшую кафедрой журналистики Красноярского государственного университета. Пришли поэты Сергей Зубарев, уроженец Челябинска, и Александр Зацепин, большая часть биографии которого связана с Омском. А Любовь Ишунькина— тоже моя землячка, долгое время

жила в Красноярском крае. Значит—своя. Впрочем, «не своих» на этой встрече не было. Разговор получился живой и достаточно острый. Кто-то помнит журнал «День и ночь» по публикации тридцатилетней давности, и вопрос, сохраняем ли редакция заложенные тогда традиции, изменилась ли редакционная политика, интересует многих. Спрашивали о роли Виктора Петровича Астафьева в литературной истории Красноярска, интересовались житеём-творчеством знакомых красноярских писателей. Не обошлось, конечно, и без обсуждения самой нелёгкой темы: Анапа— один из тех российских городов, который массово принимает беженцев и переселенцев из территорий, обожжённых войной. В госпиталях и санаториях Анапы проходят лечение и реабилитацию бойцы сво. Поэтому ощущение войны и связанные с ним переживания у местных жителей острее, чем у обитателей «материка». Меня спрашивали, интересуется ли журнал военной темой, поддерживает ли стихийно возникшую, но быстро набирающую обороты и ставшую поистине всенародной новую военную литературу. Да, интересуется. Да, поддерживает. Достаточно полистать тетрадки «ДиН» за последние десять лет, чтобы убедиться: за эти годы журнал стал одной из самых заметных в России площадок и для писателей Донбасса, и для всех, кто так или иначе готов нести людям правду об этой войне.

И всё же оптимизм, вера в добрые чудеса, жажда справедливости— всё то, что наши философы уже привычно называют «русским культурным кодом»,— не дают людям здесь, кажется, у самого краешка пожара, не подающего признаков затухания, впасть в уныние и сдаться на милость судьбы. Если что— они будут стоять до конца. Донбасс— тому подтверждение.

Краснодар

Этот город с первого соприкосновения— потрясает. Конечно, много слышала о нём до личной встречи, интересовалась, читала, наводила справки, так сказать. Но у всего этого внешнего знания оказалось мало общего с реальным впечатлением. Колоссальный современный мегаполис. При этом— со всеми очаровательными и странными чертами южных городов: зеленью и цветами, почти неуправляемыми в своём растительном азарте, жаркими сквозняками и сумасшедшими автовладельцами. И пробками на городских магистралях, не оставляющими надежды тем наивным ездокам, которые, запасая лишние полчаса на дороге, надеются не опоздать.

Ну— да. Я опоздала. Тотально. Но в Союзе писателей Кубани меня дождалась. Председатель регионального отделения СПР Светлана Макарова-Гриценко, как могла, курировала моё продвижение по забитым автомобилями улицам

Краснодара и, наконец, встретила меня у входа в писательскую обитель. Милые краснодарские писательницы приготовили к встрече роскошное угощение — со свежими плодами уже подспевших кубанских садов и всяческими изысками южной кухни. И беседа получилась долгая и добрая. Тем более что радости и печали у писательских сообществ разных регионов России, в сущности, одинаковые: что удалось и не удалось сохранить, что получилось заново создать и устроить, а чего не хватает писателям и читателям для взаимного обмена энергией и общей пользы.

Была у кубанских писателей своя газета, которая носила ярко выраженный просветительский характер. Увы! Нередко самим писателям приходится нести бремя историко-культурной подготовки читательской аудитории, поскольку система образования это бремя с себя почти полностью сбросила. Вот и «Кубанский писатель» явно был «заточен» под эту миссию. С удовольствием проща от корки до корки один из последних номеров.

Николай Ивеншев

.....

Костры

Надо, видно, уйти в пострѣг.
Но и там не спасёшься. Вряд.
От толпы сиротливых книг.
Неумело они горят.
Где твой праведный меткий гнев,
Властелин наших дум Толстой?
Книги выкинуты в сугрев
До последней своей запятой.
Вон занялся пламенем Блок,
Рядом Андерсена «Соловей»,
И на Пушкина скорбно лёг
Тот, который Брэдбери Рэй.
И Каренина не на рельс,
А нырнула ничком в костёр.
Нет дивизии «Эдельвейс».
Есть бесстыдный, нагой простор.
На помойке — собачий гвалт.
И кошачий истошный ринг.
Крематорий. И Бухенвальд.
Забухалово. И Треблинк.
Книги жгут поголовно, сплошь.
С книги что? Ведь не сунешь в рот.
А одну вот припрятал бож,
Да куда он её понесёт?..
И, шагаясь, ползёт старик.
Больно жарко, хотя мороз.
Дым идёт от горящих книг
И прохватывает до слёз.

Об издательской деятельности Союза писателей Кубани С. Н. Макарова-Гриценко пишет: «Только за последние пять лет организацией реализованы сотни социально значимых культурно-просветительских мероприятий и осуществлены десятки литературных проектов. Ключевыми, конечно же, стали подготовка и издание сборников „Молодая проза Кубани“ — подобного издания не было с советских времён, „Русское слово Победа“ — стихи и проза, посвящённые 75-летию освобождения Краснодара от немецко-фашистских захватчиков, книга для семейного чтения „На берегу океана“. Ежемесячная газета „Кубанский писатель“, издававшаяся с 2005-го, на страницах которой полноценно фиксировался краевой литературный процесс, в 2020-м преобразована в журнал „Краснодар литературный“, который выходит теперь раз в квартал и успел завоевать интерес читателей»¹.

Пройдём по страницам самых свежих выпусков, начиная с юбилейного, ноябрьского, за 2022-й. Он посвящён 75-летию Краснодарской краевой писательской организации. Публицистика Татьяны Немчиновой, Людмилы Бирюк, Владимира Романова — о творческих задачах мастеров слова. Проза Николая Ивеншева, Геннадия Пошагаева, Светланы Макаровой-Гриценко, Владимира Кирильцова, Светланы Медведевой, Вячеслава Сбитнева, Степана Дервянко, Ирины Иваськовой, Николая Седова... И, конечно, поэзия — разных поколений, разных времён. Выберу для вас то, что особенно тронуло.

Иван Варавва

.....

● ● ●
На окраине села
С головою белой
Сына мать с войны ждала
И окаменела.

Прилетал в село степной
Сизокрылый сокол.
Бились клёны головой
О гранит высокий.
Ковыли катились ниц
От тоски матроса.
Тихо с каменных ресниц
Покатились слёзы.
И из памятных глубин
Вздых раздался мамин.
Прикоснулся к камню сын —
Ожил серый камень.

На окраине села
С головою белой
Сына мать с войны ждала
И окаменела.

.....
1. «Краснодар литературный», 2022, стр. 7.

Сергей Хохлов

.....

Зима 1941 года

Теплушка с зябнувшими стенами.

Закат.

Я помню и сейчас,

Как мама долго и растерянно

Всё пересчитывала нас.

А мы, напуганные, серые,

Сидели молча по углам.

Нас было с нею только семеро,

А остальные были там...

Я понимал, что, нас подсчитывая,

Она всё думает о тех...

И по ночам не спал, сощипывая

На стенках выступавший снег.

Валерий Клебанов

.....

● ● ●

Мы не боги. Мы это знаем.

Слишком тянут к земле грешки.

Потому-то и обжигаем

Мы не амфоры, а горшки.

Пусть удел наш не слаще соли

И бесцветно проходят дни,

Но дымящиеся мозоли—

Всё оправдывают они.

Вячеслав Динека

.....

● ● ●

Я помню ночь—я был тогда курсант...

Нас подняли сигналом и сказали,

что по ошибке сброшенный десант

до одного пропал на перевале.

И мы, в составе поисковых групп,—

юнцы, толпа мальчишек неумелых—

тащили из снегов, за трупом труп,

ровесников своих оконечелых.

Мы их сложили в полной тишине

за рядом ряд у старого сарая,

и было отчего-то стыдно мне,

и я рыдал, лица не закрывая.

А горы молча брали нас в кольцо,

луна рыдала в облачном тулупе,

и снег всё сыпал на моё лицо,

всё сыпал и не таял, как на трупе...

В ту ночь я словно понял, наконец,
что Бога нет! Что всем—одна дорога!
И если у планеты был Творец,
то был он недостоин званья Бога...

С тех пор минули многие года,
душа смогла ожить и отогреться,
но этот миг неверья и стыда
кусочком льда лежит в усталом сердце.

Николай Зиновьев

.....

Душа

Событья дня, недели, месяца

Её волнуют, но слегка.

Душа—инога мира крестница,

Её Отчизна далека.

Она здесь словно в эмиграции,

Ей, может, завтра в путь уже.

Вот почему на демонстрации

Ходить не хочется душе.

Нелли Василина

.....

● ● ●

Под колыбельную колёс

Засну на верхней полке.

Приснится долгий бег берёз,

Отставшие посёлки...

Проснусь—кубанские поля

Несут в ладонях утро.

Навстречу мне бежит земля—

Соскучилась как будто.

В низинах кое-где туман.

Уже в скирдах солома.

И вдалеке блеснул лиман...

Ну вот—я снова дома.

Лидия Железовская

.....

● ● ●

Вечная ошибка молодых—

Думать, будто времени в избытке.

Даже призраки волос седых

Не маячат в горизонтах зыбких.

Так вот безалаберно живёшь,

Как при трезвом взгляде оказалось...

Только цену времени поймёшь—

А его почти и не осталось.

В декабрьском номере за прошлый год — хроники, литературоведческие статьи, животрепещущая публицистика, проза и поэзия не только авторов Кубани, но и писателей других регионов. С радостью увидела на страницах «Краснодара литературного» стихи и прозу моих земляков — красноярки Веры Граматуновой, ныне живущей в Анапе, и Андрея Пучкова из Сосновоборска.

И — самые приглянувшиеся стихи:

Алёна Галуза

.....

Они

Сколько их, разных — и дерзких, и сдержанных,
Не удостоенных отклика, отзвука.
Словно кессонной болезнью, поверженных
Острым желанием: воздуха, воздуха!
Сколько... народом своим не услышанных,
Тихо угасших без грома и молнии.
Если нам выпало в чём-то быть выше их —
Нас приподняли забытые холмики,
Те, что привычно зовутся пристанищем
Тела земного, не знавшего отдыха.
Пламя не высветит знания тайные,
Им не хватило не искры, а воздуха.

Но вот и мартовский 2023-го, самый свежий. В нём, как и в предыдущем, хроника литературной жизни, статья Людмилы Бирюк о «Детстве Никиты» А. Н. Толстого, краеведческий материал Ивана Бойко, проза Виктора Озерского, Владимира Романова, Алекса Старого, Ольги Немыкиной, Анатолия Неверова, Игоря Безрука, актуальная публицистика, задевающая самые острые проблемы войны и мира, нравственности и культуры... Масштабная поэтическая рубрика. Разные регионы, разные авторы — и по возрасту, и по уровню.

Лучшее стихотворение номера — исключительное на мой личный, пристрастный взгляд — вот это:

Ольга Сафронова

Февраль 2022
.....

Моим родным в Украине

Считаете, что я вас предала.
И я для вас не то чтоб умерла,
Но стала той противной стороной,
Что ваш мирок разрушила войной.
Теперь сидите в тишине квартир,
Клянёте ненавистный «русский мир»
За то, что к вам домой пришла беда
И под обстрелом ваши города.
Эх, милые, да это ли война?

Она вам только издали видна.

И не дай Бог, и не дай Бог для вас

Увидеть лик войны в недобрый час.

Пока сидите в тишине квартир,

За вас со смертью бьётся Русский мир.

А я молчу. И лишь шепчу сквозь тьму:

«Когда-нибудь поймёте, что к чему...»

Мы встретимся, и я вас обниму.

Ну что ж, Краснодар. Такой далёкий и такой близкий. Такой незнакомый и такой родной. Такой особенный и такой похожий на нас. Уверена: нынешняя встреча — только начало.

Обратно

Темрюк. Тамань. Бывают же места на Земле, до такой степени насыщенные историей человечества, что, кажется, шагу не сделаешь, не поправ какой-нибудь артефакт. Тамань же вовсе для русского сердца овеяна неизбывной романтикой — лермонтовские места. Нынешний мой «набег» на Тамань оказался слишком краткосрочным, чтобы нашлось, о чём здесь рассказывать. До боли знакомый профиль Михаила Юрьевича — в виде росписи на стене... майская набережная в цвету... памятник запорожцам — первым переселенцам из Малороссии. На этот раз, конечно, я обошла и рассмотрела памятник с особым пристрастием. На его лицевой стороне — надпись: «Первым запорожцам, высадившимся у Тамани 25 августа 1792 года под командой полковника Саввы Белого», — а с обратной стороны — слова песни А. Головатого «Ой, годи нам журиться». Да уж... не надо печалиться...

На железнодорожном вокзале Анапы — подлечившиеся раненые из местных госпиталей. Разъезжаются по домам. Не так чтобы их было очень много, но они заметны. На костылях, с руками на повязках-фиксаторах, с перевязанными головами... Люди к ним — это тоже заметно — как-то особенно предупредительны и сдержанны. Хотя у некоторых солдатиков порой сдают нервы.

Уже в вагоне, между Анапой и Краснодаром, парень лет двадцати пяти, видимо, после выписки из госпиталя хвативший на вокзале «лишку» в буфете, всё приставал к пассажирам у кулера с кипятком: «Отдохнули, да? Отдыхаете, да? Я вас защищаю, а вы отдыхаете, да?»

Его успокаивали, пытались уложить спать, но его «замыкало» всё сильнее и сильнее. Пережитое там, за красной чертой, и вид сытых, благополучных сограждан в Анапе и особенно на этом, через всю страну пролегающем, курортном маршруте — катастрофически столкнулись в его контуженном мозгу, и он не состоянии был справиться с катастрофой.

В Краснодаре его сняли с поезда. Выводили солдатика санитары под белы ручки, а он всё не то кричал, не то стонал: «Я вас защищаю, а вы?!»

И было почему-то стыдно. И страшно.